

УДК 165.1

Проблема типологии философской рациональности: опыт системной реконструкции

Е. О. Петров, аспирант*

В статье эксплицируется понятие философской рациональности и обосновывается одна из возможных версий ее типологии. Отображены основные различия между философской рациональностью классического и неклассического типов, а также рациональностью «открытого» и «закрытого» типов. Представлены основные положения философского реализма и философского конструктивизма в аспекте их подхода к решению проблемы рациональности. Проанализированы основные этапы функциональной дифференциации философской рациональности в процессе становления современной науки.

Ключевые слова: рациональность, ценность, целесообразность, наука, критика, типология.

The Problem of the Typology of Philosophical Rationality: Experience of System Reconstruction

E. O. Petrov, Postgraduate Student

The article made an attempt to determine the specificity of philosophical rationality and to construct one of the possible versions of its typology. It shows the main differences between the philosophical rationality of classical and nonclassical types, as well as between rationality of the «open» and «closed» types. The basic positions of philosophical realism and constructivism in the aspect of their approach to the problem of rationality are represented. The main stages of functional differentiation of philosophical rationality in the process of becoming of contemporary science are analyzed.

Keywords: rationality, value, appropriateness, science, criticism, typology.

Понятие «проблема» происходит от греческого πρόβλημα, что означает брошенное вперед, поставленное впереди. О каком «впереди» идет речь, когда мы говорим о типологии рациональности? Впереди чего стоит типология, когда она в основном создается постфактум, на основании уже имеющегося положения вещей? Даже само понятие типа в изначальном своем смысле отсылает к прошлому. Тип — это греческое τύπος — удар, след, отпечаток, то, что оставляет по себе свершившееся. И, однако, оставивший след идет куда-то дальше. Внимательно взглядевшись, по следам мы можем определить не только направление его движения, но и многие сопутствующие этому движению обстоятельства: его характер, логику, скорость и т. д. Проблема типологии поэтому должна состоять не столько в том, чтобы обнаружить и систематизировать имеющиеся «следы» или тенденции развития рациональности, но в том, чтобы на основании этого попытаться предугадать дальнейшее ее развитие, а это и есть проблема в своем изначальном смысле («брошенное вперед»).

Разработке типологии философской рациональности должно предшествовать выявление специфики культурно-исторической ситуации, в контек-

сте которой философская рациональность обособляется от других форм рациональности, а также определение специфики непосредственно философской рациональности. Впервые философская рациональность начинает рассматриваться как одна из возможных форм рациональности в средние века. В это время изначально философские проблемы начинают изучать посредством неспецифических, исходных из других типов отношения человека к миру установок и средств. Предпринимаются попытки объяснения физических и социальных процессов и явлений с религиозной точки зрения. Само по себе это не было чем-то новым, так как нечто подобное имело место с самого начала человеческой истории, и одной из основных функций мифа и религии всегда являлось объяснение природных явлений. Однако в средневековой культуре, в основе которой лежало христианство, эти объяснения приобретали несколько иной характер, при котором философское осмысление тех же процессов не могло существовать просто параллельно.

Христианство ассимилирует целый ряд философских учений и дополняет их собственными основоположениями, представляя получаемую на вы-

* Аспирант кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ. Научный руководитель — доктор философских наук профессор А. И. Зеленков.

ходе картину как более полную и истинную ввиду опоры ее на божественное откровение. В результате философская рациональность начинает рассматриваться как некий ограниченный подход или установка ввиду такой своей нормы, как недопустимость принятия чего-либо просто на веру, не способный дойти до предела познания. Попытки построения рационального обоснования для религии в духе томизма делают проблему определения специфики философской рациональности и границ ее автономии еще более затруднительной. В целом она рассматривалась как специфическая форма отношения человека к миру, через логически непротиворечивую систему понятий, суждений и умозаключений обнаруживающая устойчивые связи вещей и процессов этого мира, под каковым понимался преимущественно мир физический. В компетенцию философской рациональности входит изучение широкого круга проблем и явлений, но она оказывается недостаточной, а то и вовсе неприемлемой при рассмотрении первых причин и оснований бытия. Изучение этих вопросов требует иного подхода, который осмысливается как религиозная рациональность.

Дальнейшая спецификация философской рациональности связана с отделением от философии ряда эмпирических наук и формированием специальной научной рациональности. В этой связи уже не философия представляется здесь ограниченной, но наоборот, наука, в чем видится не недостаток, но преимущество. Наука главным критерием рациональности утверждает эффективность. Целесообразность должна подчиниться эффективности. Научная рациональность позиционирует себя как некая универсальная система норм и правил осуществления познавательного процесса, основанная на математических принципах и данных определенным образом выстраиваемого опыта. Установки философской рациональности объявляются чрезмерно общими и не способными дать позитивного знания. Речь идет теперь о том, чтобы определить специфику философской рациональности по сравнению с рациональностью, присущей другим наукам, и научной рациональностью в целом.

Проблема философской рациональности ясно артикулируется в контексте проблемы классификации наук, первые попытки построения которой можно найти у неокантианцев, в герменевтике Дильтея и учении о трех стадиях развития познания Конта. Конечно, речь не идет о том, чтобы выделить именно философскую рациональность, но скорее о том, чтобы дать определение тому типу рациональности, что лежит в основе науки. И здесь рассмотрение так или иначе упирается в вопрос о ценностях, которые противопоставляются фактам.

Если исходить из того, что философская рациональность лежит в основе как естественных (наук о природе), так и гуманитарных (наук о духе), то философия должна каким-то образом быть ориентирована на познание одновременно и того и другого. В этом обнаруживает себя главная специфическая черта философской рациональности: синтетичность оснований познания и ориентация этого познания на выработку синтетического знания. Философская рациональность представляется как такой подход к изучению фактов, который предполагает необходимость их рассмотрения в связи с определенными ценностями. Задача философии видится как критика и систематизация, но не реальности как таковой, а реальности как она представлена наукой. Выходит, что философская рациональность может быть понимаема как рациональность, надстраиваемая над научными представлениями о реальности и имеющая в поле своего рассмотрения помимо самой реальности еще и те средства, при помощи которых осуществляется наблюдение за ней (методы, инструменты, ценности и нормы и т. д. — все то, с чем имеет дело философия науки). Таким образом, философская рациональность представляет собой метауровень научной рациональности, а если это так, то она оказывается в прямой зависимости от развития эмпирической науки. Тогда смена типов научной рациональности, провоцируемая этим развитием, должна повлечь за собой смену типов философской рациональности. Следовательно, за основу построения типологии философской рациональности может быть взят историко-генетический критерий и разделение классической и неклассической философской рациональности, как это принято в контексте изучения научной рациональности.

Историко-генетический критерий подразумевает под собой выявление специфических черт философской рациональности, оформляющихся ввиду включенности философии в процессы социокультурной трансформации в целом и отражающих характерное для конкретных исторических этапов понимание человека, его места и предназначения в мире. Философская рациональность в этой связи должна пониматься как типичный факт культуры, связанный с «определенными мировоззренческими ориентациями» [1, с. 68]. Основанием типологии должно стать «рассмотрение философско-методологических предпосылок, в конечном счете реконструкция того духовного контекста, той смысловой сетки, которая в каждую эпоху определяет человеческую деятельность и мышление... Без выявления такого фона вряд ли возможно подлинное постижение того, что мы сегодня именуем типом рациональности» [1, с. 30].

М. К. Мамардашвили в работе «Классический и неклассический идеалы рациональности» под рациональностью понимает определенную, исторически и культурно конституируемую «онтологию ума, наблюдающего объективные физические явления (физические тела), знание о которых привлекается и строится в науке» [2, с. 12]. То, что мы называем рациональностью в связи с философией от Гераклита до Гегеля, — это классическая философская рациональность.

Первой проблемой, с которой, согласно Мамардашвили, столкнулась классическая рациональность, явилась проблема наблюдения. Она возникает в связи с бурным развитием экспериментального естествознания, параллельно с которым происходит процесс отмежевания этого знания от гуманитарных наук. Суть проблемы заключается в необходимости унификации средств анализа двух рядов явлений — ряда физического и ряда сознания, в объединении «в один из двух циклов наук — наук физических и наук о жизни и сознании» [2, с. 2]. Классическая рациональность предпосылает сознание наблюдению как нечто самодостойное, ввиду чего само сознание не может быть наблюдаемо. Между тем оказывается, что «то состояние, в котором мы высказываем знание о явлениях или вообще имеем их, есть не только весьма сложный и целостный продукт нашей жизни и истории, но и, в свою очередь, часть Вселенной и ее эволюции» [2, с. 12]. Ряд открытий в области физики делает очевидным значимость присутствия и состояния наблюдателя в ходе наблюдения. Так как это состояние может быть различным, то и сознание должно пониматься как нечто дискретное и многомерное. А поскольку обладающее свойством дискретности сознание играет значительную роль в процессе наблюдения, то и наблюдаемая реальность тоже должна каким-то образом соответствовать этому свойству. Результатом этого выступает формирование представления о необратимости протекающих в реальности процессов. В свою очередь это упраздняет свойственное классической рациональности представление о непрерывности пространства и материи, имевшее колоссальное методологическое и эвристическое значение в контексте классической рациональности.

«Точки разрыва реальности» для неклассической рациональности становятся тем пространством, в котором возможен поиск единства физического и сознательного. Рациональность перестает пониматься как некая устойчивая целостность и сама приобретает дискретный, зачастую фрагментарный характер. Понятая как некая «норма» бытия сознания, рациональность стремится открыть это бытие на-

встречу физической реальности и сама должна приобрести характер «открытости». В этой связи сопоставление классической и неклассической рациональности может быть дополнено и расширено сопоставлением рациональности «открытой» и «закрытой», представленном в трудах В. С. Швырева, В. Н. Поруса и др.

«Закрытая» и «открытая» рациональности существенно различаются своим отношением к критике. «Необходимым моментом «открытой» рациональности, который отличает ее от «закрытой», является установка на критический рефлексивный анализ исходных предпосылок концептуальных систем, лежащих в основе данной познавательной позиции, определяющей ее „парадигмы“» [3, с. 95]. Такой тип рациональности «предполагает установку на совершенствование и развитие исходных ориентиров и предпосылок рациональных сознания и действия вплоть до отказа от них и выработки новой системы исходных координат» [4, с. 49]. «Закрытая» же рациональность допускает критику только как применение своих собственных принципов (в частности, предпосылок некоторой фундаментальной теории, образующей каркас данной системы рациональности) к иному, внешнему для себя объекту; самокритика для «закрытой» рациональности либо вовсе невозможна, либо тривиальна — как обнаружение погрешностей или ошибок, например, логических. В терминах К. Поппера «закрытая» рациональность допускает только «трансцендентную критику». «Открытая» же рациональность обнаруживает себя в ситуациях критики тем, что видит в системе предпосылок и принципов критикуемого объекта не «иррациональность», а иную рациональность, что позволяет ей работать в этой системе аналитически (К. Поппер называет это «имманентной критикой»). Не менее важным является и то, что допущение возможности иных легитимных форм рациональности позволяет «открытой» рациональности воспринимать критику в адрес своих собственных принципов и предпосылок не как нечто враждебно-иррациональное. «Открытая» рациональность способна и на самокритику, которая может вести к отказу от некоторых собственных принципов или их изменению, принятию новых принципов и т. д. Она способна как бы взглянуть на себя со стороны, дать самой себе непредвзятую оценку, скорректировать свою позицию, если этого требует ситуация. Быть может, из-за этого более широкого и, если угодно, более умного отношения к критике «открытая» рациональность выглядит более высоким типом рациональности по отношению к «закрытой» [3, с. 34].

«Открытая» рациональность помимо специфической формы самосознания познающего субъек-

та предполагает и особое отношение к познаваемому объекту. По сути, данная форма рациональности предполагает существование некоего «открытого» объекта, конфигурация которого может меняться в процессе его познания и освоения и никогда не будет окончательной. В этом смысле существенным является возникший в конце XX в. спор между реализмом и конструктивизмом, предлагающий дополнительный предметно-конструктивный критерий для выделения двух типов рациональности, каждый из которых позиционируется в качестве наиболее адекватного относительно той специфики интерпретации сознания и реальности, которая становится основой формирования неклассического типа рациональности.

«Проблема реализма... — может ли какая-нибудь из наших техник (способов) познания мира, как он проявляется в опыте, снабдить нас достоверным знанием о ненаблюдаемой области реальности, существующей независимо от нас?... Потому что наше знание и реальный мир есть разные виды сущностей (beings)» [5, с. 34]. Рациональность мыслится представителями данной традиции в качестве принципа систематизации опытных данных и методик их получения.

В противоположность всем формам реализма конструктивизм как бы не интересуется проблемой достоверности получаемых из опыта знаний. Согласно этой точке зрения ученые в своей научной деятельности скорее изобретают реальность, нежели совершают открытия. Основой отбора теорий выступает не их соответствие объективной действительности, а их эффективность. Это задает такое понимание философской и научной рациональности, в рамках которого они мыслятся как активно преобразующее действительность самореферентное начало. Ученые, создавая теории, делают изобретения, а не совершают открытия, соответственно, теории тогда отбираются по критерию эффективности, а не истинности.

Одним из наиболее ярких представителей конструктивизма является Б. С. Ван Фраассен. По его словам, «метафизики претендовали на достижение объективной достоверности (в утверждениях) о реальной действительности...», но Юм доказал невозможность этого раз и навсегда. Корректным ответом не будет ни безысходность скептицизма, ни невозможный идеал эмпирически обоснованной метафизики. Вместо этого мы должны представить эмпиристскую теорию знания и рациональных верований, которая влечет за собой как возможность, так и подверженность ошибкам рациональных мнений о реальной действительности, основанных на опыте» [6, с. 253]. В работах Ван Фраассена получает развитие тезис У. Джеймса, согласно кото-

рому «опыт является легитимным и единственным легитимным источником наших фактуальных мнений» [6, с. 252]. «Истинность теории, взятой в целом, — согласно Ван Фраассену, — ставится под сомнение, как только опыт говорит против любой части ее следствий...», уязвимость теории по отношению к будущему опыту состоит только в том, что уязвимы ее притязания на эмпирическую адекватность» [6, с. 254]. Теория, таким образом, носит исключительно инструментальный и условный характер. Она может описать только некоторые проявления неизвестных и в принципе недоступных рациональному познанию и предложить некий алгоритм действия, оценка которого не зависит от истинности самого описания, но определяется исключительно эффективностью данного алгоритма. «Цель науки — дать теории, которые являются эмпирически адекватными; и принятие теории включает веру только в то, что она эмпирически адекватна» [6, с. 12].

За основу предлагаемых реализмом и конструктивизмом интерпретаций рациональности берется представление об объекте. В первом случае под таковым понимается некий фрагмент реально существующего мира или же, как минимум, его акциденция. Во втором случае под объектом понимается конструируемая в ходе познавательной деятельности реальность, своим основанием имеющая не мир как таковой, но мир, преломляемый через структуры человеческой деятельности, приоритеты которой задают своеобразную матрицу конструирования этой реальности. Соответственно этому различию в интерпретации объекта определяются и целевые приоритеты познания: либо отражение реальных закономерностей мироустройства, либо максимально достижимая функциональность вырабатываемого знания.

Если попытаться объединить все три обозначенных основания выделения типов философской рациональности, то можно получить более-менее целостную картину. Та или иная конкретная форма философской рациональности всегда будет относиться к тому или иному типу: классическому или неклассическому (по специфике самосознания субъекта); открытому или закрытому (по специфике отношения к собственным основаниям и предпосылкам), реалистическому или конструктивистскому (по специфике отношения к объекту познания). Таким образом, на основании данных разделений возможно определить характер всех трех составляющих рационального отношения к действительности, как и любая другая форма отношения, конкретизирующегося в трех аспектах: отношение к фундаментальным условиям своего существования; инструментально-нормативная раз-

меренность, целевая ориентация. Далее возможно ограниченное число комбинаций, которыми в принципе может быть исчерпан весь горизонт возможных типов рациональности. Как в историческом, так и в эпистемологическом аспекте таких типов можно выделить восемь: классическая-закрытая-реалистическая, классическая-открытая-реалистическая, классическая-закрытая-конструктивистская, классическая-открытая-конструктивистская, неклассическая-закрытая-реалистическая, неклассическая-открытая-реалистическая, неклассическая-закрытая-конструктивистская, неклассическая-открытая-конструктивистская). Актуальное развитие философской рациональности происходит в сложном взаимодействии данных типов. Противоположность их друг другу в ключевых аспектах рационального отношения к миру придает их взаимодействию антагонистический характер и выступает как источник развития. Основной тенденцией этого

развития на сегодняшний день можно считать переход от классического-закрытого-реалистического типа рациональности к неклассическому-открытому-конструктивистскому.

Список цитированных источников

1. *Лекторский, В. А.* Рациональность на перепутье: в 2 кн. / В. А. Лекторский. — М., 1999. — Кн. 1.
2. *Мамардашвили, М. К.* Классический и неклассический идеалы рациональности / М. К. Мамардашвили. — М., 1994.
3. *Порус, В. Н.* Рациональность. Наука. Культура / В. Н. Порус. — М., 2002.
4. *Швырёв, В. С.* Рациональность как ценность культуры / В. С. Швырёв. — М., 2003.
5. *Harré, H. R.* Varieties of realism / H. R. Harré. — Oxford, 1986.
6. *Van Fraassen, B.* The Scientific Image / B. Van Fraassen. — Oxford, 1980.

Дата поступления в редакцию: 19.05.2015 г.